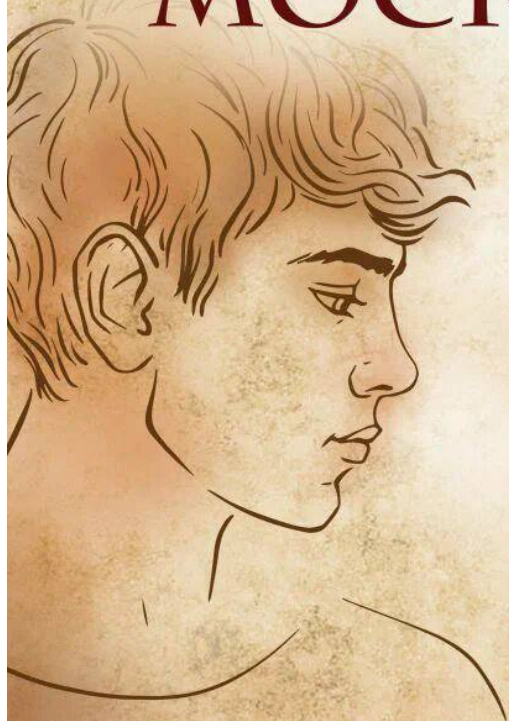

ГОВОРИТ МОСКВА

ИРИНА БОГАТЫРЕВА

Ирина Сергеевна Богатырева

Говорит Москва

Серия «Этническое фэнтези»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55411568
ISBN 978-5-04-113681-9*

Аннотация

Новая повесть от автора этнической саги о горном алтае "Кадын". История молодого архитектора, приехавшего покорять Москву и столкнувшегося с фольклорными преданиями города лицом к лицу...

Повесть написана на документальном материале из архива проекта «Историческая память Москвы» и городском фольклоре.

Ирина Богатырева – дипломант премии "Эврика!", финалист премии "Дебют", лауреат "Ильи-Премии", премии журнала "Октябрь", премии "Белкина", премии Гончарова, премии Крапивина. Лауреат премии Михалкова за литературу для юношества и подростков 2012 года. За роман "Кадын" получила премию Студенческий Букер в 2016 г. За повесть "Я – сестра Тоторо" получила 3 место в премии по детской литературе Книгуру в 2019 г.

Член Союза писателей Москвы.

Член Международной писательской организации "ПЭН Москва".

Играет на варгане в дуэте "Ольхонские ворота".

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Богатырёва

Говорит Москва

1

Юбилей Компания праздновала в башне «Федерация», в ресторане Sky View.

Небо оттуда и правда было видно много. Неба и облаков.

Был апрель; холодно, сыро, грязно. Москва лежала под ногами Башни блестящая, голая, и была в своей весенней наготе отвратительна. Браслеты улиц, тройное ожерелье транспортных колец, провисшие бусы реки, отсвечивающие мрачным чёрным золотом, неимоверно дорогая современная косметика и бижутерия, – весь этот глянец существовали только затем, чтобы прикрыть дряблое старушечье тело, многовековые морщины и отвлечь от тяжёлого смрада, исходящего из давно беззубого рта.

Беззубого не значит не опасного. Эта ведьма и так поедала людей сотнями. Как в том анекдоте: без зубов, но засасывает насмерть.

Артём ухмыльнулся. Ему доставляло удовольствие думать о ней так. Старая шлюха, дорвавшаяся до денег, плечевая девка, выскочившая замуж за миллиардера. Тварь.

Он стоял у огромного панорамного окна, заменявшего ре-

сторану стену, смотрел в неоновый вечер города под ногами, катал в горле злобу, а на языке – обжигающий яд виски Jack Daniels. В баре были ещё коктейли, но коктейлей он не уважал. Коктейль – это обманка: пьёшь мягкий, сладенький ликёрчик, а на утро башка болит и отрыжка с дешёвой водки. Нет, это не для нас. Артём смаковал виски маленькими глотками, раскатывая каждый грамм алкоголя во рту. Чтобы напиться, нужен не объём, а концентрация в слюне. Можно окосеть и с напёрстка, если знать как. Артём знал, химию в школе учил на отлично.

Корпоратив тридцатого апреля – это лучшая шутка, на которую была Компания способна. Перед майскими, так сказать, подарок. Готовились целый месяц. Девки чистили перья, маникюр-педикюр-солярий. Теперь ходили, как куклы. Не узнать никого, пока с глазами не встретишься – ни Леночку из коммерческого, ни Аню из четвёртого – чем они занимаются там, в четвёртом? а, дизайн-проект, точно, – ни Свету из восьмого. Даже Наталью не узнал. Наталью, с которой три года за соседней перегородкой. Каждое утро привет-привет, кофе в двенадцать, сэндвич в полчетвёртого. Ни грамма секса в глазах. Автомат для ответственных заданий. А тут глянешь – а-ба, откуда что берётся?

Мужики тоже выглядели ничего. Да и сам вроде. Рубашку вот купил новую. Синюю, просто синюю. А отвалил три косяря. Продавщица распевала, как она ему идёт. «Цвет к глазам, вот прямо к глазам!» Каким глазам, они у Артёма серые.

Ну да не суть. «Она вам удачу принесёт, я вангую», – закончила продавщица, относя рубашку на кассу. И подмигнула, как будто на свидание набивалась. Да ну её к чёрту. Рубашка как рубашка. Нужна была – ну, и вот.

Праздновали хорошо, ребята из отдела кадров знали своё дело, на все корпоративы всегда нанимались интересные развлекухи, тут жаловаться не на что. Игры и конкурсы для поднятия корпоративного духа. Сегодня ударили по психологии: тренинг «Составь свой день» и «Заведи знакомство за две минуты». Артём имел успех, к нему очередь выстроилась из дам со всех отделов. Может, и правда, рубашка такая зачётная?

У него даже настроение тогда ещё было нормуль. Да что и говорить: он вообще ничего дурного не ожидал. Сладко ел, в меру пил. Напиться ещё не хотелось. Флиртовал со всеми так, что Ярик стал смотреть с нескрываемой завистью. Ну, сам дурак, притащился на корпоратив со своей бабой. Симпотной, ничего не скажешь, но кто же лезет в цветник со своим букетом?

В общем, всё было лампово и крафтово, так что Артём уже думал, с кем замутить, чтобы без последствий, как вдруг дошло до дела – объявления перспектив и достижений. А заодно и повышений. Была у Компании такая фишка: важные назначения объявлялись прилюдно, на общих празднованиях, так сказать, для поднятия корпоративного духа. Другими словами, для создания здоровой конкуренции в коллективе.

И вот тут для Артёма праздник кончился. Повышений было много, но все по мелочи. И в других отдела. Потому что как его, проектировщика, белую кость, мозговое вещество Компании может волновать какая-то тётка из снабжения, с которой он век не столкнётся? Да никак. Дела ему нет до этой тётки, до бухгалтерии, до связи с общественностью и тэпэ. Их отдел центральной. Это от них все зависят, а не наоборот.

Но когда дело дошло до последнего назначения, его накрыло. Алексей Бодренков, новый человек на должности директора проектного отдела. Куда девался при этом предыдущий, как-то умалчивалось.

Рухнули аплодисменты. Алексей стоял в бреше оваций и принимал их, как должное, с лёгким поклоном. О повышении заранее знал, сука.

Поздравляла его лично Генералиха. Генерального, разумеется, на корпоративе не было. Впрочем, его вообще никогда нигде не было, он и в Компании, и в России появлялся редко. Только под документами стоял его вензель, да висел портрет у кабинета дирекции – если бы не он, Артём и не знал бы, как Генеральный выглядит. Зато везде и всегда была Генералиха, его тёлка. Ну, тёлка не тёлка, вообще-то она совладелица, а уж кто Генеральному – бог разберёт, но слухи, конечно, ходили. Как и о том, какую роль на самом деле играет в Компании Генеральный, а какую – она.

Высокая, сухопарая, холёная. Привлекательная, но что-то в ней было такое, что если не отталкивало сразу, то застав-

ляло держаться подальше. Опасная. Да, правильное слово: и она сама, и вся её красота была опасной, это видно даже издали. А рядом Артём никогда с ней не оказывался. Хотя хотел. На самом деле, хотел, даже не признаваясь себе. Всё то, что гибелью грозит, для сердца смертного таит – ну, и тэдэ, и тэпэ.

Пожала Алёхе руку и вручила подарок от Компании – какие-то там часы. Впрочем, Артём этого уже не видел. Он вообще в первый момент как будто отключился, ничего не видел и не соображал. И дело не в зависти. Зависть – полдела. Генералиха для того всё это прилюдно и делает, чтобы зависть в людях разжигать, понятно и ежу. А дело именно в Алёхе. Будь кто другой, Артём и не заметил бы. Но сейчас, как когда-то, хотелось встать и застрелиться.

Или застрелить Бодренкова.

Потому что Артём знал Алёху разве что немного меньше, чем самого себя. Нет, они не были друзьями – упас господи! – не учились в одном классе и не дрались из-за одной девчонки. Единственное, что их объединяло – оба всю жизнь старательно держались подальше друг от друга, а их постоянно сталкивало на жизненных поворотах. Они выросли в одном городе, жили на одной площадке, причём семье Бодренкова досталась трёхкомнатная квартира, а семье Артёма – однокомнатная, и всё потому, что у Алёши родители были с завода, а Артёмовая мамка работала учительницей младших классов. Но при этом они-то считали, что имеют прав на эту

трёшку куда как больше – дом построили в прямом смысле на их костях. Точнее, на костях их предков – под стройку срывали кладбище пригородной деревеньки, где мамкины и Тёмкины прадеды лежали поколениями, ровными слоями.

Артёмка тогда был мал и ничего не понимали, конечно, а мамка сглотнула поругание семейных могил, потому что сил её не было уже – так хотелось в город. Ей к тому моменту крепко надоела деревянная родовая пятистенка, печка, удобства во дворе и баня за две улицы у ручья, – весь этот пасторальный быт, в котором она выросла, в котором выросли её родители и где приходилось растить Артёма. Она вернулась из областного центра, где успела поучиться в педухе и залететь, но также пожить в общаге с нормальным туалетом и кухней и теперь больше всего на свете хотела обратно в город. Поэтому когда город пришёл к ним сам, когда он начал пожирать их деревеньку с кладбища, мамка молчала: она была счастлива. Тёплый туалет стоил посмертного спокойствия её предков.

И всё-таки она рассчитывала на компенсацию. По крайней мере, в виде большой квартиры. Когда же они втроём с бабушкой заехали в однушку, а напротив в трёшке уже обжились Бодренковы, неизвестно откуда взявшиеся, но точно никогда в их деревне не бывавшие, – смысл этой несправедливости понял даже маленький Артём. Понял и возненавидел маленького Алёшу как злейшего врага, на всю жизнь.

Это была подстава номер раз.

Учились они в параллельных классах, причём оба хорошо, так что учителя соревновались, чей отличник отличнее – Шумилов или Бодренков. Шумилову лучше давались точные и естественные, Бодренкову – гуманитарные предметы. По математике шли ноздря в ноздю. Вместе ездили на олимпиады, впрочем, не проходя дальше городского уровня. Вместе ходили на факультативы. При этом не общались, даже делали вид, что не знают, как друг друга зовут.

Впервые Артём пожал Алёше руку, когда им вручали медали. Артём до последнего ждал золота, шёл на линейку, в полной уверенности, предвкушении и тэпэ. Могла подвести только литература, это был единственный предмет, где четвёрки шли вровень с пятёрками, но Артём верил, что Мариванна на его стороне.

Он ошибся – медаль досталось Бодренкову. Это была подстава номер два.

О том, что виновата была не Мариванна, а само проведение, Артём узнал только через десять лет: на город выделили всего три медали, и отдать две в одну школу было никак нельзя. Директриса выбрала всегдашнего везунчика – Бодренкова. А тогда, на сцене, он этого всего не знал, и ему хотелось одного – слезть оттуда и умереть.

Или убить Бодренкова.

Директриса, конечно, всё поняла, нельзя было не понять. Поэтому, вручив им дипломы и медали, не отпустила со сце-

ны. Стала расписывать, какие они оба умненькие и талантливые, и как школе повезло с такими учениками, и как они похожи, поэтому не мешало бы им, наконец, стать друзьями. И так выразительно посмотрела на обоих, что деваться было некуда: пришлось протянуть и пожать руку Бодренкову, подавляя приступ тошноты.

На выпускную попойку он не пошёл. Вернулся домой и лёг спать, хоть так надеясь заглушить чувство безумной обиды на мир.

Долго думал, куда податься после школы, и в итоге уехал в областной центр и поступил на архитектурный. Отыскивая в списке свою фамилию, ни капли не удивился, увидев в соседней группе зачисленным Бодренкова – в семнадцать лет Артём был фаталист.

Однако после окончания они, наконец, расстались, и Артём выдохнул. Пошёл в аспирантуру, оказалось, что он не практик, ему интересна теория, работа с новой формой и материалом. Бодренков же канул сразу после выпуска. Это было странно, первое время Артём с напряжением ожидал, откуда он выплывет, но Алёша не появлялся.

И Артёму удалось о нём забыть, как о детском заболевании. Он защитил диссер о принципах адаптивности архитектуры городской среды и даже по привычке оставался в универе заниматься исследованиями ещё несколько лет после защиты, хотя уже чувствовал, что жажда знаний покидает его. Вокруг творилась другая жизнь, она кипела, она не

стояла на месте, а он как будто жил за прозрачной стеной своей чистой формы и городской среды. Однако эта жизнь требовала бабла, а Артём, проектируя невероятные башни из стекла, невесомые при своём исполинском размере и как будто парящие в воздухе, в свои двадцать восемь продолжал жить с мамкой на тех же тридцати пяти метрах, полученных в восемьдесят седьмом. И хотя у Артёма никогда не было проблем с деньгами, он умел крутиться, подвизаясь на массе проектов, делал шабашки и халтуры, не брезговал любыми подработками, он вдруг стал понимать, что чистой теорией много не добьётся.

Например, квартиру в центре не купит. Да и не в центре тоже.

И тогда он решил всё бросить и уехать. Уехать туда, где деньги гребут лопатой.

Уехать в Москву.

Собственно, сделать это было несложно, сделать это можно было бы и раньше. Однокурсник, тот самый Ярик, звал его не первый год. Сам он уехал сразу, как только закончил, и уже работал в Компании. Компания – гензастройщик в Москве, строили много, это обещало быть надолго, если не навсегда, люди Компании были нужны. Кандидаты наук с такой специализацией, как у Артёма, тем более. Его взяли почти без собеседования. Стартовые, хорошая зарплата, соцпакет, все дела. Снял квартиру на окраине, чтобы подешевле, хотя уже через год задолбался – на дорогу уходил час

в одну сторону.

Вообще через год его многое задолбало, да и в принципе к жизни в Москве удавалось привыкнуть с трудом. Казалось бы, просто город, как все, а вот нет. Но работа была, работа его устраивала. Он ещё не строил башен и воздушных замков, занимался халтурой, вроде благоустройства дворовых территорий в ЦАО, но перспектива карьерного роста была, и Артём уговаривал себя потерпеть. А там его заметят, и будут тебе дворцы и замки, и всё начнётся, всё сложится. Он уже присматривал себе район под ипотеку.

Как тут в Компании появился Бодренков. И это была подстава номер три.

Точнее, вполне возможно, что он был здесь давно, просто Артём с ним не встречался. Но вдруг что-то случилось, и он стал слышать знакомую фамилию на летучках и в кабинетах, на этажах, в разговорах коллег. Он не верил своим ушам и гнал нехорошее предчувствие.

Но оно оправдалось.

Он встретил Бодренкова на совещании глав отделов. Сам Артём в то время только занял эту должность. Это был прорыв, его первое достижение, он ждал этого три года. Он взялся за работу как тигр, как барс. И на Бодренкова решил не обращать внимание. Тем более что тот был больше не конкурент – компаньон. Он возглавил новый отдел, созданный специально под него. Гуманитарий взял в Алёше верх, и теперь он продвигал в Компании передовые идеи – городская

антропология на службе у проектировщиков, создание антропофильной среды, все дела. Их отдел состоял из молодых людей, которые на фоне архитекторов и проектировщиков, да даже на фоне менеджеров отдела пиара выглядели как глянцевые маргиналы – окладистые бороды, растянутые свитера, футболки с дебильными принтами. Они не сидели в офисе, они выезжали *на пленэр* и занимались работой *в поле*. Картографировали естественное перемещение населения по местности – как протаптываются дорожки от метро к подъезду, почему по левой стороне улицы никто не ходит, а по правой – все и всегда (спойлер – сплошной забор на левой стороне делает её непривлекательной, человек избегает простреливаемых пространств, надо сделать забор резным или хотя бы раскрасить его, объявить районный конкурс на лучшее оформление, чтобы привлечь молодых талантов и создать хорошее отношение к застройщику среди населения, а если ещё вписать между забором и тротуаром пару клумб и малых архитектурных форм, вообще станет любимым местом тусовок подростков и прогулок молодых пар). Мы строим для людей, а не для зданий, – выдавал Бодренков свою любимую супер-революционную идею, и романтические дамы из бухгалтерии хлопали ему ещё тогда. Артём скрипел зубами, на банальности у него была аллергия, но ничего поделать он не мог: почему-то их отдел считался ретроградным, мечтающим залить окружающее в бетон и асфальт. И хотя Артём знал, видел каждый день, как реальная застройка не за-

висит ни от их проектов, ни от работы отдела Алёши, что всё решает Генеральный, а он решает, исходя из соображений собственного кошелька, и соотносит только с кошельком заказчика, – идеи Бодренкова обеспечивали Компании флагманский курс в городском строительстве, плюс сто к общему уровню кармы, прогрессивный имидж, позитивные постики в соцсетях, где счастливые мамы с колясками бродили по зелёным лужайкам на фоне города будущего из стекла и бетона. Тот факт, что всё это останется только на картинке, мало кого смущал. Что в домах из стекла и бетона будут те же коробки с тонкими стенами, так что мамы не будут спать по ночам от ора соседских младенцев, не волновало никого. Артём вспоминал запах побелки в однушке, куда они с мамкой заселились, когда ему было пять, – вечный запах нового жилья, несущий надежды и разочарования, и в антропологию как в спасение не верил.

Зато в неё верили все отделы, все этажи, все служащие Компании от уборщицы до Генерального. Ну и он сам, разумеется. Вместе со своей тёлкой. Иначе с чего бы такое назначение. Назначение Бодренкова исполнительным значило только одно – курс на показуху, яркие фоточки, искусственные газоны и воткнутые в них деревья, которые засохнут будущей весной. Курс на то, чтобы сделать всё ещё более пластиковым, чем оно должно быть. В принципе, на это Артёму было плевать, он не собирался здесь жить, он хотел заработать и вернуться, устроиться дома или хотя бы в Ёбурге, но

теперь, вот прямо сейчас, на этом корпоративе, гоняя виски во рту и глядя на то, как под ногами развалилась Москва, он спинным мозгом чуял, что сделать это так просто не удастся. Если раньше он верил, что надо просто потерпеть и всё изменится, будет повышения, будут тучи бабла, то теперь, после назначения Бодренкова, пришло осознание: нет, не будет. За три года он добился начотдела, и дальше перспектив не открывалось. Он не нужен Компании, не нужен городу, не нужен этому месту. Москва его не принимала. Она его не хотела. Она хотела Бодренкова, который сумел пустить ей пыль в глаза, а Артём что-то делал не так.

Похоже, химия уже брала своё: Артём напивался. Иначе откуда бы такие мысли. Он посмотрел на пустую стопку в руках, представил, как потащится домой через весь город – съёмную хату он начал называть домом только полгода назад, до этого говорил «на квартиру», и такая перемена внутреннего нейминга ему не нравилась, ничего хорошего она не предвещала. Но не суть. Он посмотрел в стакан и подумал, что сможет высосать ещё один, ну, два прежде, чем станет срубаться или решит сплясать на столе.

От этой мысли стало весело. Вместе с Бодренковым, непременно, только с ним. Хотя нет, чего это вдруг – с Генералихой, с этой мутной мегерой, которой непонятно даже, сколько лет. Сколько Артём её видел, определить не мог – то она казалась ровесницей, чуть за тридцатник, то выглядела

молодой шалавой, то вдруг мерещилась старухой около шестидесяти. Но сколько бы там ни было, сплясать с ней было бы зашибись. Интересно, его жизнь после этого переменялась бы? Базара нет, вопрос только: в какую сторону.

От этой мысли стало кайфово, в жилах побежало жгучее, куражистое, и, похихикивая, Артём качнулся, чтобы двинуть к бару – как вдруг из-за плеча появилось горлышко Jack Daniels и пахнувшая ядом медовая струя сама упала в стакан.

– Ты ведь это пьёшь, я не ошиблась?

Он обернулся – и сразу вместо жгучего по жилам ударило льдом.

Это была она – тёлка Генерального.

Вообще-то, он знал, как её зовут – Надежда. Надежда Георгиевна Победоносцева, ни много ни мало. Но никогда он ещё не называл её так. Просто потому что ни разу не доводилось с ней разговаривать.

Интересно, как её зовёт Генеральный? Наденькой?

Лёд из жил не уходил. От того ли, что думал о ней только что, от этого совпадения, но он чувствовал противный сквозняк в области сердца, как будто секунду назад сплетничал о ней с кем-то, и его за этим застукали. Он принялся судорожно вспоминать, что именно думал, насколько это было грязно. Вроде, ничего такого, голой её не представлял. Но тут же оборвал себя: она смотрела с такой улыбкой, как будто он был прозрачен, и все его мысли она могла читать.

– Ты рот-то закрой, простынешь, – сказала, усмехнув-

шись, и отпила из собственного стакана. В нём было что-то другое, не виски. Что-то жёлтое. Сок? – Не ожидал?

– Ну... как бы... Нет. А должен был?

– Не знаю. Мне показалось, ты не будешь против. Познакомиться, так сказать, поближе.

Она сказала это, понизив голос, и его снова пробило холодом. Она как будто намекала на что-то, или это он считывал, а она – правда она имела это в виду или нет? С чего бы вдруг.

Она обернулась к окну, а к нему в профиль. Артём продолжал пялиться, совершенно не соображая, насколько это прилично. Странное раздвоение вдруг повело сознание: стало казаться, что они и правда знакомы. Давно. Где-то в другой, параллельной реальности. Не просто, а близко знакомы. Что-то между ними было. Не секс, нет, но что-то другое – долгие душевные разговоры, дружба, услуга такая, о которой нельзя забыть. От этого странного чувства всё вокруг как будто подёрнулось зыбкой и поплыло.

– Да нет, я, собственно, не против. Я вообще только за. Просто... Ну, как бы это... не ожидал... что сейчас...

Это последнее, слетевшее с языка «сейчас» ужалило его так, что он поспешил отвернуться и тоже уставился в окно. Оно выпало из *той* реальности. Оно звучало как пароль, как знак, который могут понять только двое. Он как будто говорил, что не ждал её именно *сейчас*, при всех. Потом, позже – да. Но не сейчас.

Хотя это была полная ерунда. Он её вообще не ждал, не

мог ждать, зачем, с чего бы вдруг.

– Хороший вид, правда? – сказала она негромко, снова отпивая из своего стакана, и Артём опять похолодел – ему показалось, она намекала, она хотела сказать: пойдём отсюда, тут скучно, я хочу побыть с тобой.

Хотя они такого не сказала. Да и не могла сказать.

– Да, ничего так... Если высоты не бояться.

– Ну, ты же не боишься, – усмехнулась она. Не то спросила, не то подбодрила его: ну же, давай! Ты же не боишься – меня?

Да чёрт, что же такого он только что думал о ней стыдного?

Про возраст, точно.

Он скосил глаза, чтобы больше не пялиться на неё в упор, бросил взгляд как бы невзначай. Он никогда ещё не видел её так близко. И сейчас, с расстояния вытянутой руки, в неясном свете снизу, из города, её возраст был так же неопределим, как всегда.

Высокая, сухопарая. Нельзя сказать, что красивая. Скорее, вылизанная и стильная. Богатая баба, которая не жалеет на себя бабла. Ей может быть с равным успехом сколько угодно. Разве что не двадцать, на двадцать она себя не ведёт. Сколько угодно от тридцати до семидесяти. Да, именно так. Лицо вытянутое, скулы резкие, нос большой, прямой, благородный. Кожа не свежая, но и не дряблая. Не висит, без морщин, но видно, какого это строит труда. Косметики ма-

ло или она такая, что не разглядишь. Волосы крашенные, да, нарочито в такой ядовито-чёрный, чуть не с синим отливом, чтобы сомнений не оставалось – это напоказ. Цвет воронова крыла. Ногти тоже чёрные, с блеском. Всегда думал, что так красятся только подростки, а вот нет же – взрослая, спелая тётка.

Вот, спелая, самое то слово. Губы цвета вишни. Зелёные глаза – линзы? Да нет, просто зелёные. Золото на шее, в ушах и на тонких, нервных пальцах. Она тёмная, ей идёт. Как цыганке. Но нет, она не цыганка. Просто ведьма. Вот да, ещё точное слово. Ко всему этому образу, чёрным ногтям и волосами точнее не придумаешь. Просится ей в руки стеклянный шар с дымом и подпись: «Потомственная колдунья, отворот, приворот, заговор на деньги...»

Может, она этим Генерального и взяла?

Улыбка скользнула по её губам, и Артёма опять обожгло. Читает, она его просто читает. Отвёл глаза, уставился вниз, на Москву.

– Что не пьёшь?

– Спасибо. Я уже.

– А мне показалось, что ты хочешь.

Нет, надо держаться. Всё это бред. Она ничего не имела в виду.

Или имела?

– Почему вы так решили?

– Ну, как тебе сказать. Некоторые вещи можно прочесть

по глазам.

Она усмехнулась. Артём сделал над собой усилие, чтобы не усмехнуться вместе с ней. Не посмотреть на неё. Не подумать ничего лишнего.

Просто опрокинул в себя виски.

Она посмотрела с одобрением.

– Надо же. А мне показалось, ты с одной рюмкой так и прстоишь весь вечер.

– Уже простоял.

Налила ему ещё.

В зале зашумели, они обернулись. Организованная часть корпоратива давно завершилась, фуршет тоже, и в ресторане творилось броуновское движение постепенно напивавшихся людей. Кто-то общался. Кто-то танцевал. Коллектив антропологического отдела, наконец, собрался, чтобы поздравить Бодренкова. Произносили тосты и кричали. Хлопали. За чем-то лопнули воздушный шарик у него над головой. Бодренков стоял довольный и уже пьяный.

– Завидуешь? – спросила она, и Артём уже привычно вздрогнул. Пора бы успокоиться. Пора выдохнуть и перестать трястись. Все виски по рукам разолью. – А ты не завидуй. Глупо. Алёшка прыткий, он сразу понял, куда ветер дует. А ты просто ещё нет. Поймёшь – и у тебя будет всё. Даже больше.

Нет, он уже не холодел, не обмирал от её тихого голоса. Он слушал, и мир двоился. Её голос принадлежал другой ре-

альности, и часть мозга вполне понимала это, она жила там же, знала всё и *даже больше*. А другая часть слышала смех и крики в зале ресторана, пьяные предложения качать Бодренкова, утопить его в шампанском, напомнить ему о друзьях, – и уже не отказывалась улавливать скрытый смысл в её словах. Она *хотела* его улавливать.

– Я не думал, что вы что-то вообще знаете про меня.

– А зря. Я всё про всех знаю. Потому что вы мне все нужны.

– Да ладно! – Хотелось заржать ей в лицо, но его хватило только на то, чтобы нервно усмехнуться. – И что же вам от нас нужно?

– Всё, – ответила она спокойно и холодно. – Ваш талант, – она начала загибать тонкие пальцы с чёрными ногтями. – Ваше время. Ваши жизни, в конце концов. Но ты же понимаешь, что я дам вам больше, – сказала, разжав кулак, и посмотрела прямо в глаза. – Я дам то, что ты не получишь нигде. И речь не о деньгах. Речь о реализации. Ты можешь задумать что угодно и осуществить здесь, только здесь и больше нигде. Ты можешь сказать, что ты хочешь, и быть услышанным. Ты можешь не бояться. Не бояться так, как дома. Ты же понимаешь, о чём я говорю?

Артём понимал. Да, он понимал. Он не хотел, он был бы рад с этим не соглашаться. Но он понимал. Сам не раз уже думал об этом – особенно в те моменты откровения, когда остро чувствовал, что никуда и никогда уже отсюда не уедет.

Не сможет. Москва – как игла. И за четыре года он крепко на неё подсел.

– Но почему Бодренков? – В нём снова плеснуло гадкое, жалкое. – Вы разве не понимаете, что он предлагает? Он же убивает город, все его благие идеи – это показуха! Он открывает возможность, как сделать проще. Не лучше – а проще. Не сохранить, а убрать, не построить, а разрушить. Не жить, а развлекаться. И сказать потом: так хотят люди.

– Он не виноват. Он, правда, хочет, как лучше. Есть другие люди и другие силы. Которые так же получают всё, о чём они мечтали. В свою очередь и ты сможешь стать таким человеком.

– Да? И... – Он сбился. Сглотнул. В горле было сухо, а в груди – холодно. Совсем холодно. Сил нет. Выпить, что ли? Он посмотрел на стакан в её руке. Нет, не поможет. – Ну, и что я должен делать? – выдал, наконец, с усилием.

Она рассмеялась. Так искренне и весело, как будто он выкатил ей свежий анекдот. Смех молодой, кстати. Ровесница? Ага, как же. Высокомерие – как у тётки за полтос. Эдакая матрона.

– Ну, знаешь ли, дорогой, в такие игры я не играю. Понимать – это значит понимать. А тебе всё скажи, покажи да дай попробовать.

– Ну и дай, – сказал вдруг Артём и впервые посмотрел ей тоже прямо, в глаза. Не сказал, а выплюнул, само сорвалось. Но испугался – и тут же припечатал уже сознательно, чтобы

некуда было бежать: – Дай попробовать.

Страх ухнул только потом. Так бывает, когда прыгнешь с вышки – страх накрывает, уже в воде, и это даже и не страх, это азарт, кураж – всё-таки сделал, взял – и сделал. Прыгнул. Сказал.

И уже не пожалеешь об этом.

Она ответила на его взгляд спокойно, без тени смущения. Потом картинно изогнула красивую чёрную бровь.

– Хм, вот, значит, ты как.

И отвернулась к окну.

Артём тоже отвернулся, рефлекторно повторяя за ней движения. Его колотило. Её спокойствие действовало на нервы. Хотелось орать. Хотелось, чтобы на него орали. Дали по роже, послали к чёрту. Хотелось действия, драмы, а не этой трещины между двумя реальностями, полусмыслами и намёками.

Но она просто смотрела вниз, на весеннюю, мокрую Москву, и ему тоже ничего не оставалось, как смотреть, ничего не видя.

Но только вдруг зрение его подёрнулось, расфокусировалось – и он увидел змея. Золотого извивающегося змея, древнего ящера с драгоценной чешуей. Он охватил город кольцами, он скалил зубастую морду, хвост выгнул на восток, а головой смотрел на запад. Он был вечен и непобедим. Георгий только придавил его, но не поверг. По сути, змей обманул его. Победа была мнимой.

Змей стерёг город.

– Ты меня ненавидишь, – сказала она вдруг очень тихо и, как показалось Артёму, печально. Очень просто – и печально. Как констатацию факта.

Но слишком тихо. Он мог ослышаться: меня? Она точно сказала: меня?

– Кого? – переспросил на всякий случай.

– Москву, – она кинула в окно. – Вы все её ненавидите. Едете сюда, думаете, тут мёдом намазано. Деньги лопатой. А тут всё то же. Те же люди, те же беды. Только больше. Хуже. Образ рая рушится. И за это вы все мстите городу, который вас приютил.

– Как это – приютил? – Артём фыркнул. – Как это, если... – Но осёкся. Потому что придётся объяснять – долго, нудно, больно. А не хотелось. Ничего уже не хотелось.

Он почувствовал скуку.

– Да так, – она пожала плечами, как будто ничего не заметила. – Работу нашёл? Нашёл. Жильё есть? Есть. А всё остальное, дорогой, – прости, но это только ваши фантазии. Несовпадение ожидания с реальностью. Никто же не думает, когда едет, про два часа на дорогу до работы. В одну сторону. Про стоимость аренды. Про цены на продукты, парковки, квартплату. Про толпы в метро. Вообще про метро. Про серое небо. Про сны о доме, о квартире, где вырос. Про это всё – никто из вас не думает. Вы едете за счастьем. Вы оцениваете его в денежном эквиваленте. И выставяете счёт. Вы

ждёте полной оплаты. А когда оказывается, что вы забыли учесть собственные расходы – время, здоровье, нервы, молодость – вы чувствуете себя обманутыми. И начинаете её ненавидеть. А она не виновата. Она вас не ждала. Она делает всё, что может.

Артём слушал и сжимал стакан. Он хотел ответить, он знал, что и как ответить, он мог бы ответить ей на каждое слово – но он заставлял себя молчать и терпеть. Молчать, копить и терпеть.

И заговорить только тогда, когда она закончит.

– Вы, москвичи, знаете, конечно, как надо город любить, – начал он, уже не сдерживая накопившейся желчи. – Вам виднее. Хотя ничего-то вы не знаете. Жизни нихрена не знаете. У вас проблем никогда не бывало. Детства втроём с матерью и бабушкой в однушке, 35 квадратных метров. А бабушка обезножила и последние десять лет жизни под себя ходила. Вы не знаете, что такое – мотаться в областной центр, чтобы перед новым учебным годом ботинки себе купить. Вы сугробов не видели никогда в полный рост и не знаете, как это – если зимой нет тепла и горячей воды. Живёте, как у Христа за пазухой. Вся страна на вас горбатится, а вы только морду воротите, когда к вам едут: «Ах, понаехали!» А эти люди сюда работать едут, пахать, как никто из вас не умеет! Так что не вам от нас нос воротить. А я, если хочешь знать, не хуже тебя город знаю. И хочу его поменять! Я хочу видеть Москву живой и настоящей. Понимаешь – настоящей, а не

пластиковой куклой, как этот... как эти все хотят... ваши... которые...

Он сбился и замолчал. Что-то болезненно сжалось в нём – нет, уже не зависть, а та самая обида, которую он носил в себе, обида на Бодренкова за город, за весь город. И пульсировало одно болезненное чувство, которое жило в нём последнее время, сложное, странное, и наиболее близкое слово к нему было – забота.

Да, он хотел заботиться, хотел защищать, помогать. Когда смотрел на генеральный план в офисе, именно этим чувством сжимало сердце. Он видел потенциал, какого не было нигде, кладезь в этих просторах, в глубине истории и разбросе зелёных пятен лесов и парков, в изгибе реки, в подземной жизни метро, во всем этом, если понять, если вчувствоваться, если полюбить, в конце концов, позволить себе полюбить её, а ей – себя...

Чёрт, расклеился. Он разом ухнул всё содержимое стакана, сморщился, пережидая, пока обожжённый пищевод ослабится, и закрутил головой – куда бы деть стакан. Некуда. Поставил на пол, под ноги. Выпрямился, перевёл дух. Выглядело всё это комично, он и сам понимал, но было плевать. Алкоголь уже не брал, предел достигнут. Или его так всё это задело, что не брал. А ведь он не хотел распляться. Приказывал себе не распляться, но не сдержался. И только замолчав, спохватился и понял, что поздно. Посмотрел на неё с вызовом – ну и пусть, будь что будет, чего ему перед ней

лебезить!

Он ждал, что она плюнет на него сейчас, пошлёт куда по-
дальше, развернётся на каблуках и уйдёт. Но она слушала
молча и чуть заметно улыбалась. Без высокомерия. Без из-
дёвки. А как-то просто. Только смотрела с удивлением, при-
подняв бровь.

Нет, не девочка. Конечно, не девочка. Девочки так не гля-
дят. И не ровесница даже. Лет сорок пять – пятьдесят.

А лучше всё-таки напиться из напёрстка. Желудок
скрутило. Химия – такая химия. Чью-то мать.

– Ты где живёшь? – спросила она, всматриваясь в него так,
будто хотела угадать по лицу.

– В Вешняках, – буркнул Артём. – А что?

– Старый Гай?

– Нет. Молдагуловой.

Она кивнула, как будто это что-то могло ей говорить.

Артём озлился.

– Знаете, что ли?

– Знаю, – сказала она спокойно.

Артём почувствовал, как злость закипает в нём. Знает
она. Да ничего она не знает!

– Чего там знать? Дыра. Воняет. Дешево. Восток.

– Восток. – Она опять кивнула.

– Хочешь сказать, ты тоже там живёшь? – выдавил он, и
сам не понял, как кувыркнулся на ты. Плевать. Ему на всё
уже было плевать – что она подумает, что с ним дальше бу-

дет.

Она медленно покачала головой. Конечно, ещё бы она жила там. Такие люди в таких местах не живут.

– А где? На Рублёвке?

Она усмехнулась.

– В центре?

Промолчала. Она выглядела задумчивой. Смотрела перед собой, и он, подавляя раздражение, тоже перевёл взгляд за стекло, вперился в чёрный, озарённый огнями город. И понял, куда она смотрела: перед ними что-то происходило. В темноте город простирался вперёд, вниз и вверх, на всю ширину и высоту панорамных окон. Он светился, двигался, он жил, как будто бы переливался кольцами золотой змей, опоясывающий его. И чем больше Артём смотрел, тем страннее всё это выглядело.

Ему вдруг показалось, что перед ними интерактивная карта. Пропала перспектива, пропал масштаб, то одни, то другие части вдруг становились ближе и больше, как будто их выделяла и приближала невидимая рука. Или взгляд.

Её взгляд.

Он вдруг узнал то, что наплывало на него – чёрные деревья парка Кусково, холодным оловом блестящие пруды, аллеи, спящий дом усадьбы. Не хватало только виселиц, кто-то рассказывал ему про виселицы, которые увидел будущий декабрист Волконский, гостя у Шереметьева – но нет, виселиц в этой картине не было. Да и она сама уже сдвинулась, по-

ехала, поменялась, и он узнал собственную улицу, где жил, свой дом, магазин «Пятёрочка» и остановку. Даже алкашей, которые регулярно отирались там – три маленькие, чёрные фигуры качались в мутном свете из стеклянных дверей магазина.

А ведь я ей номера дома не называл. Нет, точно не называл.

Пора сворачивать оглобли, пора драть когти, пока не поздно.

Или поздно?

Всё уже закрутилось, как будто пролистывали атлас, и потом медленно, как в 3D проекте, выползли вперёд центральные улицы и переулки. Мясницкая, залитая огнями, Тургеневская площадь, Чистые пруды. Тоже блестят чёрным, с отливом. Холодная, грязная вода. Люди ходят по берегам. Светятся окна ресторанов. Разноцветные фонари выхватывают дорожки, графику голых ещё деревьев.

Холодная, поздняя весна.

– Когда-то здесь, в переулке, стоял дом, – начала она медленно, неживым голосом, как будто бы из глубокого транса. – Небольшой, двухэтажный. А рядом – большой, каменный. До революции там были меблированные комнаты, а этот, маленький, дом хозяина – небогатая дворянская семья. После революции собственность конфисковали, семью разметало, от неё осталась только одна дочь, младшая, ровесница века, да её муж. Их уплотнили, дом переделали, сделали там

коммунальные квартиры, а сверху достроили мансарду, деревянную, страшную, совсем в другом стиле. Поселили их в ней. Там выросла мама. Там родилась я. Но я ничего оттуда не помню, всё только с маминых слов – коридор, большую кухню, у каждой хозяйки – свой стол и своя комфорка на плите. Плита – не плита: печка, дрова. Газа не было. Не дай бог оставить суп – что-нибудь подбросят гадкое, несъедобное. Когда бабушка готовила, маму сажали возле печки, и отходить было нельзя. Она читала книжки, прочла так всего Пушкина, Гоголя, Бальзака. За трубой, в воздуховоде, дядя Лёша, безногий после войны, прятал спички. Ему жена запрещала курить, отбирала спички у него, так он воровал у всех и ныкал туда. Жена его была та ещё ведьма – склочница и скандалистка. Я в детстве правда думала, что она ведьма. Она даже под судом побывала – обварила соседку-татарку, жену дворника. Мама говорила, она красивая была, а муж – хромой и старый, так на неё все мужики в доме заглядывались, а бабы ненавидели. Так что эту тётю Катю не очень-то и осуждали, и суд ей присудил что-то условное, какой-то штраф и компенсацию лечения. Татары потом съехали. Да и вообще много народу после войны сменилось. Только мама с бабушкой остались. И эта тётя Катя с дядей Лёшей. А потом пожар случился, всех расселили и дом снесли.

Она замолчала. Артём тоже молчал, не зная, что сейчас надо говорить – высказывать сочувствие? Но какое может быть сочувствие событиям полuveковой давности?

– Мне долго не говорили, что дома больше нет, – сказала она. – Я всё мечтала вернуться туда, когда вырасту. Посмотреть на те комнаты, зайти на кухню. Найти мамин клад – она говорила, что спрятала под половицей, от двери в их комнату три шага на восток. Я до сих пор помню: три шага на восток. Когда я узнала – мне лет девять было – что дом снесли и я никогда его не увижу, я так рыдала! Меня валерьянкой отпаивали. Для меня это было что-то такое важное очень – этот дом, семейная история, центр... И мамин клад. И так вот сразу потерять всё, одним махом.

Она усмехнулась невесело, а он усмехнулся тоже. От её слов становилось тепло, как будто что-то уже начинало происходить между ними, само собой. И если бы он сейчас положил свою ладонь на её руку, она бы её не отняла. И если бы он позвал её с собой, она бы не отвернулась.

Но вместо этого он сказал:

– Я не представляю вообще, как можно в центре жить. Грязь, суета. Магазинов нет ни одного продуктового. Всё дорогое...

– Москва – это только центр. Остальное – деревни, – перебила она его, и впервые ему показалось в её голосе раздражение. – Всё те же старые деревни. – Она повела руками, указывая в сияющую черноту, и та задвигалась, закружилась: – Кузьминки. Солнцево. Бирюлёво. Перово, Черёмушки, Отрадное, Новокосино. Измайлово, Бибирево, Орехово. Деревни, деревни, Москва в кольце деревень. Нет, ми-

лый, Москва – это центр и только центр. До Бульварного, ну, ладно, так и быть – до Садового кольца. Центр, гнездовье. Я потратила половину жизни, чтобы вернуться туда. И теперь, только теперь я счастлива. Засыпая по ночам, я слышу, как бьётся её сердце.

– Это метро, – буркнул он. – Дом плохо стоит. Надо бы проверить, на всякий. Ну, на прочность. Перекрытия, фундамент... Сопромат никто не отменял.

Кружение за окном закончилось, город вдруг ухнул вниз, расстелился в перспективу и побежал как всегда – дорогами, автомобилями.

Артём обернулся – она с усмешкой смотрела на него.

Шут я ей, что ли? Его кольнуло. Нет, пора линять. Ничем хорошим это не кончится, вангую, – всплыло словцо девицы из магазина.

– Слушай, я пойду, эта... отолю. – Он дёрнулся к выходу, но тут она шарахнула:

– Если ты действительно хочешь чего-то получить от Москвы, ты должен провести с ней три ночи.

Он остановился. Обернулся.

Ослышался?

– С кем?

Но она уже как ни в чём ни бывало снова смотрела в окно.

Он вернулся. Упёрся лбом в холодное стекло. Город плыл, город жил. Город дышал. Город плевал на него. На всех.

Его колотило. На стекле осталось белое пятно от дыхания.

– Ты знаешь легенду о снесённом доме? – спросила она.

– Нет. А должен?

– Снесённый дом. В центре. Он появляется время от времени. Его сложно найти и ещё сложнее встретить. Но тот, кто его найдёт. И не просто найдёт, а не испугается в него войти. И не просто войти, а провести там подряд три ночи. Так вот, такой человек станет её любовником. Любимчиком. И получит от неё всё, о чём только пожелает.

– В смысле?

– В прямом. Деньги. Карьеру. Женщин. Власть. Просто всё, что захочет.

– В смысле, чьим любовником? Кого?

– Москвы.

Раздражение всё-таки просквозило в её голосе, и он замолчал, заткнулся, уставился за стекло, а у самого всё перед глазами плыло и плясало, и реальность была уже не двойной – ничего другого в ней не было, кроме её слов и её голоса, и всего, что он слышал, додумывал, вообразил себе за этим голосом и за её словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.